

Т.Ф. Волкова

Сыктывкарский государственный университет

**Средневековые сюжеты о предательстве, зависти и клевете
в осмыслении печорского книжника XIX века И.С. Мяндина**

Аннотация: В статье на материале трех древнерусских повестей – о царице и львице, о царевне Персике и об Акире Премудром, переработанных печорским книжником XIX в. И.С. Мяндиным, анализируются особенности осмысления усть-цилемским крестьянином средневековых сюжетов о зависти, клевете и предательстве.

The article deals with 3 old Russian tales – about tsarina and lion, tsarevna Persik (the Peach) and about Akir Premudry (the Wise) – which were rehashed by Pechora's writer of XIX century I.S. Myandin. The article under consideration also analyses the peculiarities of comprehension of Ust-Tsylma peasant the medieval topics about betrayal, envy and slander.

Ключевые слова: древнерусская литература, крестьянские редакции древнерусских повестей, книжный центр на Нижней Печоре, старообрядческая литература, сюжет.

Old Russian literature, peasants' versions of old Russian tales, the Lower Pechora book center, old-believing literature, topic(plot).

УДК: 881.

Контактная информация: Сыктывкар, Октябрьский пр., 55. СыктГУ, кафедра русской и зарубежной литературы. Тел. (8212) 433426. E-mail: volkovatf777@gmail.com.

Иван Степанович Мяндин, усть-цилемский крестьянин-старообрядец, писец-профессионал, оставивший большое рукописное наследие, составивший ряд интересных литературных сборников¹, сейчас хорошо известен исследователям старообрядческой книжности и как редактор древнерусских повестей, вносящий в них свои идеи, свою стилистику, художественные детали, свой язык крестьянина-усть-цилема второй половины XIX века².

Среди многообразных тем, которые привлекли внимание И.С. Мяндина в древнерусских повестях, был своеобразный тематический комплекс, оформившийся в разного типа литературные сюжеты, включающий темы предательства, клеветы (как одного из методов его осуществления) и зависти (как движущей силы, толкающей на предательство). В одних случаях в сюжете присутствуют все три названные тематические составляющие, в других актуализируется на сюжетном уровне какая-то одна из них. Рассмотрим круг мяндинских переделок, в которых нашли отражение обозначенные темы, и проследим, в какой степени и как именно они трансформировались под пером печорского книжника.

---

¹ О личности и литературной деятельности И.С. Мяндина см.: [Малышев, 1975; Волкова, 2009].

² Хронологический обзор исследований рукописного наследия И.С. Мяндина см.: [Волкова, 2006, с. 842–846].

В произведениях, переработанных Мяндиным, тема предательства представлена в трех аспектах: *предательство родины* (Повесть о Тимофее Владимирском), *предательство веры* (помимо Повести о Тимофее Владимирском она своеобразно раскрывается в сказании об участии св. Николая Мирликийского в работе Первого вселенского собора, в котором описывается «предательство» Арием истинной веры, каким воспринималось его учение участниками Собора и активная позиция на Соборе св. Николая); *предательство близкого человека в семейной сфере*: жены – мужем (Повесть о царице и львице), дочери – отцом (Повесть о царевне Персике), брата – родными братьями (Сказание об Иосифе Прекрасном), воспитателя – приемным сыном (Повесть об Акире премудром), спасителя – спасенной (Троянские сказания).

Наиболее полно все три рассматриваемые сюжетно-тематические составляющие: предательство – зависть – клевета – представлены в переводной Повести о царице и львице, имеющей сложную судьбу в русской литературе¹. Повесть эта дважды перерабатывалась Мяндиным². Меня также заинтересовал сюжет русской версии этой переводной повести, что позволило несколько углубить наблюдения Т.Ф. Чалковой в сфере сюжетной организации «Царицы и львицы». Останемся на той части наших наблюдений, которая дает возможность выявить некоторые скрытые от поверхностного взгляда редакторские приемы печорского книжника, проявившиеся в обоих его списках «Царицы и львицы».

В структуре Повести о царице и львице, на наш взгляд, отчетливо вырисовываются пять самостоятельных сюжетных линий, находящихся друг с другом в разных композиционных связях. Три из них организованы движением внешних событий – поступками действующих лиц, приводящими к изменению жизненных ситуаций и развивающими исходный конфликт вплоть до его разрешения; две другие складываются из событий «внутренних», скрытых от глаз стороннего наблюдателя: они свершаются в мире мыслей и чувств героев и открываются читателю иногда в их диалогах и монологах, иногда – через авторский комментарий, но всегда имеют следствия в их поступках и также влияют на развитие конфликта. Именно эти, скрытые, сюжетные линии и придают повествованию «Царицы и львицы» «сверхсмысл», возносящий читателя от земных перипетий бытия к духовным истинам, раскрытие которых и было для средневековых авторов перво-степенной задачей письменного слова.

Первый из внешних сюжетов мы определили как *сюжет о зависти, ревности и клевете, способных разлучить любящих людей на долгие годы*; второй – как *сюжет об испытаниях оклеветанной царицы и ее разлученных детей и о воссоединении всей семьи*; третий – как *сюжет о львице, воспитавшей по промыслу Бога одного из сыновей царицы*. Помимо этих трех самостоятельных историй в Повести о царице и львице рассказаны еще две, составляющие скрытый, внутренний подтекст описанных в повести событий. Одну из них можно определить как *сюжет о выборе, который делает сердце человеческого, столкнувшись с видимым проявлением зла*; другую – как *сюжет о вере, смирении и терпении, побеждающих смерть и вознаграждаемых Богом*. В первой из них главным героем является царь, во второй – осужденная им царица.

В рамках данной публикации я остановлюсь только на одном из них, чтобы показать характер осмысления этого сюжета печорским книжником.

---

¹ История формирования и трансформации сюжета Повести о царице и львице на русской почве была прослежена Т.Ф. Чалковой [1985, 1998, 2011]; издание основной редакции по списку БАН 38.5.32 (конец XVII в.) см.: [Повесть о царице и львице, 1988].

² Об особенностях мяндинских редакций «Царицы и львицы» см.: [Чалкова, 1987], издание мяндинских редакций Повести см.: [Чалкова, 1987, с. 238–248 (по списку ИРЛИ УЦ 66, л. 304–335 об.); Волкова, 2006, с. 863–870 (по списку РНБ НСРК О.100)].

При внимательном чтении первой части Повести о царице и львице читатель может заметить, что параллельно с сюжетом о клевете и ее последствиях здесь развивается и другой – скрытый – сюжет – о драме, разыгрывающейся не в палатах царского дворца, а в душе одного из главных героев Повести – царя, оказавшегося в силу обстоятельств перед выбором, определившим всю последующую судьбу его семьи, и сделать этот выбор, по сюжету русской повести, должно было «сердце» царя, а не его разум, правильность же выбора зависела от степени мудрости царского сердца, способности его услышать «подсказку» того, в чьих руках оно находится, как и сердце всякого человека на земле, – Бога, ибо лишь он «весть всех человек тайная сердца». Таким образом, развитие внешнего конфликта (клевета свекрови – невинность царицы) переносится – в рамках «внутреннего» сюжета – в сферу чувств персонажей, которые передаются в Повести хотя и в довольно традиционном стилистическом оформлении, но логика их развития, отражающая авторскую идею, создает вполне осязаемое сюжетное движение. Исходной его точкой, завязывающей действие, становится противоречие между **видимым** – тем, что открылось телесным очам царя (царица в одной постели с его «рабом») – и **невидимым** – тем, что скрыто в глубинах его сердца (любовь к супруге и вера в ее ответную любовь). Лицезрение царем видимого зла толкает его на расправу с «рабом» и заключение в темницу царицы; происходящее в сердце погружает в «печаль», вызывает «страх» и «недоумение»: «Царь же от полаты изыде, во мнозѣ печали и страстѣ быв, в недоумѣнии, срама ради. И размышляя в себѣ: «Что есть се и како горкое сие измѣнение сотворися?» (с. 428)¹. Таким образом, по сюжету Повести, после наказания виновных царь начинает испытывать душевный разлад: поруганная любовь к царице вызывает печаль и страх позора, но образ любящей жены не совмещается в сознании царя с образом прелюбодейки, поэтому в душе его поселяется тревожное «недоумение». Так ситуация завязки ставит царя перед выбором: подчинить свои дальнейшие действия страху «срама ради», поверить увиденному плотскими очами и наказать супругу как прелюбодейку или углубиться в свое «недоумение», довериться сердцу, ощущающему любовь царицы, и пренебречь очевидным – не поверить «видимому» злу.

Дальнейшее повествование показывает, как происходит в царе внутренняя борьба: он трижды обращается к своим вельможам, пытаясь разрешить свои сомнения с их помощью, и каждый раз устами вельмож до царя доводится мысль о необходимости искать ответы прежде всего в собственном сердце, которое находится в руках Бога, ведающего всеми тайнами человеческой жизни. Эта тема далее находит поддержку в рассказе о поведении царицы, которая молится Богу и Богородице и в этих молитвах определяет нравственное состояние ее супруга как «души повреждение». Оказавшись перед необходимостью принять окончательное решение, царь, когда царица пытается доказать ему свою невинность, снова, как и в начале повести, не может соединить несовместимое: добродетель и благочестие царицы и ее измену – «зло», увиденное собственными глазами: обращаясь к своим вельможам он говорит: «**Видѣх бо очима моима** зло сие, имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтелну, а обрѣтеса, егоже не чаяху. Како имѣти ю хочу пред очима моима, а **самъ видѣвъ таковое зло**» (с. 430). Звучащий далее ответ вельмож призван, по замыслу автора, в последний раз обратить взор царя от этого зримого зла, увиденного телесными очами, к сокрытой истине, познать которую царю поможет только всё ведающий Господь, если царь доверит решение ему, а не будет принимать его сам, от своего ума. Они говорят царю: «Единъ Богъ вѣсть всѣхъ человекъ тайная сердца, ожидаетъ обращения от всѣхъ» (с. 431). По мысли автора, его герой не должен был сам судить царицу, доверившись толь-

---

¹ Здесь и далее в скобках приводим страницы по изданию: [Повесть о царице и львице, 1988].

ко «правде зримого». Суд над ней он должен был отдать Богу, о чем и говорят царю его приближенные: «Отдаждь ей Богу судити, иже вину и правду ея вѣдаеть». Они советуют царю не посягать на жизнь царицы и отпустить ее с сыновьями, предоставив Богу решать ее дальнейшую судьбу.

Так в общих чертах выглядит история о выборе между видимой изменой и сокрытой истиной, который делает царь в тексте основной редакции Повести о царице и львице¹. Рассмотрим, в какой степени этот сюжет был воспринят и использован печорским редактором Повести. Проведенный нами анализ текста мяндинских списков «Царицы и львицы» показал, что перипетии внутренней жизни царя, его сомнения («недоумение») меньше заинтересовали печорского редактора, чем перипетии внешнего сюжета о клевете и зависти матери царя, приведших в конечном счете к изгнанию царицы.

Благодаря целому ряду сокращений тема удивления царя изменой супруги, сохраненная в начале мяндинской версии Повести, не оформляется в дальнейшем (как в основной редакции) в сюжет о «поврежденном сердце» царя. Покажем, какая перестройка текста привела к такому изменению сюжетной структуры в редакции Мяндина.

Обработка текста Мяндиным заметна уже в первом фрагменте, с которого в основной редакции начинается развиваться внутренний сюжет о выборе царя между сердцем и разумом. Передавая состояние царя после увиденного в спальне, Мяндин сохраняет мотивы печали и страха царя, звучащие в этом фрагменте основной редакции, но опускает мотив «недоумения», формулирующий в основной редакции суть конфликта, лежащего в основе внутреннего сюжета Повести, при этом прямая речь царя переводится в косвенную, опускается эпитет «горькие», сопровождающий тему «изменения» (предательства) царицы в основной редакции, а увиденное царем определяется однозначно: «злое дело»: «Царь же от полатъ изыде, во мнозѣй печали и стразѣ бывъ, и размышляше в себѣ, чесо ради сотвори таковое зло дѣло и изменение царица к нему» (л. 30)². Тем самым акцент повествования у Мяндина переносится с размышлений царя о непонятных («горьких») изменениях, произошедших с любившей его царицей, на результат «измены», увиденной земными очами царя, – «зло дѣло».

Далее Мяндин производит и композиционные изменения. Во-первых, опускается третье, решающее обращение царя к вельможам с просьбой взять на себя решение судьбы царицы и детей, в котором прямо формулируется внутренний конфликт в душе царя: «Имѣхъ бо ю (царицу) благочестиву и добродѣтелну», но «самъ видѣвъ таковое зло». Соответственно опускается и третий ответ «царского сигклита», в котором снова, уже в третий раз звучат темы божественного всеведения и справедливого суда.

Во-вторых, в Мяндинской редакции в молитвах царицы, ведомой из темницы на площадь с уготованным ей костром, а также в ее речи, обращенной к царю, опущены все ключевые фразы, развивающие внутренний сюжет в основной редакции: о «повреждении души» царя, о том, что сердце царя в руках Бога и потому царица ждет милости только от Него. Опущены все фразы о поисках царицей своей вины в прежней ее жизни («высокоумие или кое иное прегрешение»), ее пророческие слова о том, что все равно рано или поздно Бог «известит» царя о том, что в чадах, которых царь собирается казнить вместе с матерью, «царское законное семя». В основной редакции царица предупреждает царя, что его ждет в будущем «сокрушение сердца», когда он узнает, что убил собственных детей.

---

¹ Подробнее о сюжетной структуре основной редакции «Царицы и львицы» см.: [Волкова, 2003].

² Цитируем по списку в сборнике РНБ НСРК О.100, принадлежавшему М.А. Яковлеву (далее – Як.).

Всех этих мотивов нет в мяндинской редакции Повести, но зато на первый план, «очистившись» от перипетий духовной жизни героя, выступает тема зависти и клеветы как первопричины страдания героев. Передавая молитву царицы к Богу, Мяндин добавляет отсутствующее в основной редакции объяснение, почему на царицу и любимого ею супруга обрушилась «напасть сия» – «клеветы ради и зависти злых», а в речи, обращенной к царю, Мяндин (после слов царицы о ее невиновности) добавляет: «но оклеветана есть от злых людей». Повторенная дважды на небольшом отрезке повествования фраза о клевете как источнике бед царицы переключает внимание читателя на это *видимое* зло, оставляя в тени другое, не столь очевидное зло – предательство царем, в силу «повреждения души» своей возлюбленной супруги, нежелание его обратиться за помощью к Богу, перейти от «недоумения», вызванного случившимся, к вере в любовь и преданность близкого человека.

В результате проведенной Мяндиным переработки текста сюжет древнерусской повести в его редакции лишается глубины, своей двухуровневой структуры. Сокращая текст основной редакции, Мяндин убирает второй план повествования. Его сюжет концентрируется на раскрытии темы зависти и клеветы, а скрытый духовный аспект сюжета остается за пределами текста, лишь напоминая о себе в начальных фрагментах мяндинской версии Повести.

Тема зависти и клеветы организует сюжет и другой древнерусской переводной повести, к которой также дважды обратился Мяндин – Повести о царевне Персике. Здесь в треугольнике *клеветник – доверяющий клевете – жертва клеветы* роли внутри семьи распределяются иначе, чем в «Царице и львице». Жертвой клеветы становится царская дочь Персика, а ее отец – царь Михаил, подобно царю из рассмотренной ранее повести, включается в интригу как лицо, к которому обращена клеветническая информация. Однако в отличие от героя «Царицы и львицы», царь Михаил, получив от второй жены письмо с описанием недостойного поведения его дочери Персики, занимает пассивную позицию, ограничиваясь наставлением царице строже следить за падчерицей. Это самоустранение царя от решения семейной проблемы оборачивается, по существу, предательством родной дочери. Однако данная сюжетная линия в Повести осталась не разработанной. Автор лишь слегка коснулся темы сомнений царя в возможности для Персики столь неподобающего поведения, каким его изобразила в своем письме ее мачеха – царица Люция. Он, как и царь Повести о царице и львице, пребывает «в недоумении» (отметим, что в «Персике» использован тот же словесный образ для передачи колебаний, сомнений царя), но эта тема здесь, в отличие от «Царицы и львицы», не получает сюжетного развития, а Мяндин в своей переработке этой повести опускает вместе с этим словом «недоумение» даже саму тему сомнений героя в добродетели дочери. Эпизод с получением письма Люции предельно сокращен им: опущены и все конкретные составляющие клеветы на Персику (ее хождение по «домам блудническим», где она «многие дни и ночи провождает») и реакция на это сообщение царя Михаила. Зато рассказ о действиях клеветницы Люции против вызвавшей ее зависть «красоты деля» падчерицы передан во всех ключевых моментах фабулы. При этом печорским книжником проведена такая стилистическая обработка текста основной редакции «Персики», в результате которой тема зависти, как и в Повести о царице и львице, оголяется и выдвигается на первый план повествования. Работу Мяндина над сюжетом Персики можно уподобить превращению живописного полотна в одноцветный рисунок: убираются все мелкие подробности, окружающие тему зла и зависти в основной редакции, и тема эта, лишенная лексического «кружева», отвлекающего внимание читателя, в графически оголенном сюжете выходит на первый план повествования.

В сюжете третьей повести – об Акире Премудром¹ – мы встречаем тот же треугольник персонажей, насыщаемый темой клеветы и зависти с новым распределением ролей. Роль завистника и клеветника отведена здесь приемному сыну главного героя – мудреца Акира – Анадану, сам Акир становится жертвой клеветы и зависти своего воспитанника, а орудием в руках клеветника становится ливийский царь Синограф. Не прибегая к подробному анализу текста III редакции повести об Акире, послужившей источником для Мяндина в двух вариантах его переработки «Акира»², приведем наши наблюдения об осмыслении печорским книжником этого средневекового сюжета.

Если в древнейшей редакции основной конфликт Повести, по замечанию О.В. Творогова, – это «борьба двух моралей: столкновение благородного и мудрого Акира и его неблагодарного и коварного племянника Анадана» [Творогов, 1970, с. 174], а в III редакции – «не столько несчастный отец, вскормивший и воспитавший негодяя, сколько впавший в немилость, оклеветанный вельможа» [Там же, с. 175], то для Мяндина, воспитанного в строгих рамках старообрядческого семейного уклада, основанного на почитании родителей, послушании им, на первый план в сюжете «Акира» выдвигается проблема **сыновнего** предательства, причиной которого Мяндин считает зависть Анадана к богатству и славе его приемного отца Акира, поселившуюся в сердце воспитанника не без воздействия «злокозненного» «врага дьявола». После описания казни Анадана в списках Мяндина добавлен комментарий к присловию, которым сопровождалось избиеание Анадана «палицею» («1 – не рождень – не сынъ, 2 – не окупленъ – не холоп, 3 – без кормля и ворога не видать»): «Сими словами даде знать || Премудрый Акирь, чтобы не токмо дѣти родныя, но и усыновленные бы почитали названныхъ своихъ отцев и матерей и не оклеветали бы зависти ради» (ИРЛИ, УЦ 67, л. 219–219 об.). Тема нарушения этой моральной заповеди героем повести Анаданом в заключительных словах этой концовки выводится Мяндиным на философские высоты эсхатологической темы посмертной судьбы человеческой души, столь волновавшей старообрядцев: «за что не токмо здѣ примутъ достойную казнь, но и по смерти муку вѣчную» (Там же, л. 219 об.). Во втором списке это рассуждение, абстрагируясь от конкретики осмысляемого сюжета, приобретает еще более суровое звучание, внушая читателю мысль о неотвратимости наказания за зло, совершенное на земле, в другом – небесном – мире: «хотя на сем свете и убежимъ должнаго наказания, но в будущемъ не бежати вѣчнаго мучения» (ИРЛИ УЦ н. 268, л. 160 об.).

Таким образом, анализ трех мяндинских переработок древнерусских повестей показывает, что печорский книжник увидел за строками средневековых произведений **свои** картины, соотносящиеся с его личным крестьянским и человеческим опытом, по-своему услышал диалоги героев старинных повестей. Упростив язык и в то же время добавив в повествование этикетные формулы, хранившиеся в «литературной» памяти начитанного в древнерусских текстах книжника, Мяндин придал своему повествованию напряженность, конкретность и зримость, усилив звучание волновавших его тем, сохранив вместе с тем в своем повествовании связь с литературной традицией. Однако при этом иногда утрачивалась сюжетная глубина, многоплановость повествования, сюжет выпрямлялся, концентрируя внимание читателя на темах, более всего волновавших печорского книжника.

---

¹ О редакциях и сюжете Повести об Акире Премудром см.: [Григорьев, 1913; Дурново, 1915; Творогов, 1970].

² Первый Мяндинский список «Акира» – ИРЛИ УЦ 67, л. 107–219 об. был исследован и издан Е.К. Пиотровской [1976]; второй список – из составленного Мяндиным Цветника, местонахождение которого сейчас неизвестно, был скопирован Н.С. Демковой во время археографической экспедиции Ленинградского университета в Усть-Цильму в 1973 г. [Демкова, 1976] и сейчас хранится в ИРЛИ (УЦ н. 368).

Литература

- Волкова Т.Ф. К вопросу о характере сюжета в «Повести о царице и львице» // Вестник Сыктывкарского ун-та. Сер. 9: Филология. Вып. 5. Сыктывкар, 2003. С. 4–17.
- Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 839–890.
- Волкова Т.Ф. Усть-цилемский книжник И.С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия // Первые мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. С. Усть-Цильма. 12 июля 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 52–66.
- Григорьев А.Д. Повесть об Акире Премудром. Исследования и тексты. М., 1913.
- Демкова Н.С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 30. С. 357–360.
- Дурново Н.Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. М., 1915. С. 128–131.
- Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.
- Малышев В.И. Усть-Цилемская обработка Повести о царице Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326–337.
- Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 561–604.
- Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность (По материалам Пушкинского дома). Л., 1985. С. 323–337.
- Пиотровская Е.К. Усть-цилемская обработка «Повести об Акире Премудром» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 378–383.
- Повесть о царице и львице / Подготовка текста и коммент. Т.Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. С. 427–441, 653–654.
- Творогов О.В. Переводная беллетристика XI–XII вв. // Истоки русской беллетристики. СПб., 1970. С. 163–180.
- Чалкова Т.Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98–113.
- Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице в обработке И.С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 234–248.
- Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1998. Ч. 3. П–С. С. 231–233.
- Чалкова Т.Ф. Повесть о царице и львице: особенности художественной структуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2: Филология. С. 108–115.